

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ТОМСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УКРЕПЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Часть 67

Издательство Томского университета
2015

ОБЩАЯ ЧАСТЬ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

О КАЧЕСТВЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

DOI 10.17223 9785751123871/1

М.К. Свиридов

Наличие качественного законодательства является неременным условием создания прочного правопорядка. Особенно важно это в сфере уголовного судопроизводства, где органы власти имеют дело с самыми ценными для граждан их правами и интересами. Поэтому уголовно-процессуальное законодательство должно быть эталоном качества. Ими и были Устав уголовного судопроизводства 1864 г., а также Уголовно-процессуальный кодекс 1960 г.

Действующий УПК РФ в целом обеспечивает действие правоохранительных органов и суда по изобличению и наказанию преступников. Однако вполне качественным его признать нельзя. Не случайно П. Крашенинников отмечает необходимость серьёзной работы по улучшению УПК РФ¹. Действительно, УПК РФ страдает целым рядом серьёзных недостатков, что снижает эффективность его действия.

Один из наиболее главных недостатков УПК РФ – он лишён концептуального единства, в его основе заложены две концепции: судебное производство построено на состязательной основе, а досудебное – на основе розыскной, публичной. По сути дела, в одном кодексе оказались закреплёнными два типа процесса: состязательный и публичный. Но они во многом несовместимы (особенно в вопросах установления истины, в положении субъектов, в степени использования диспозитивности и т.п.). Наличие в одном кодексе двух основ не позволяет согласовать должным образом досудебное производство с судебным. Поэтому многие вопросы кодексом регулируются противоречиво. Не случайно в последнее время настойчиво обсуждается вопрос о введении в наш процесс института следственного судьи, который, по мнению авторов, сможет придать досудеб-

¹ Рос. газета. 2011. 16 дек. № 283 (5659).

ному производству состязательность, что позволит кодексу достигнуть концептуального единства и тем самым снять существующие в нём серьёзные противоречия.

Следующим недостатком УПК РФ следует отметить отсутствие в нём чётко выраженной позиции по самому главному вопросу процесса – об установлении истины. Слово «истина» в кодексе не употребляется. Есть несколько статей, содержание которых косвенно свидетельствует о необходимости установления судом объективной истины (например, ст. 297). В то же время есть статьи, которые допускают вынесение приговора на основе установления формальной истины (в упрощённых судебных разбирательствах отсутствует исследование доказательств). Таким образом, по вопросу об истине в кодексе двойная позиция, что не случайно, – это вытекает из двойственности заложенных в кодексе начал. Такая позиция закона вредна. Во-первых, она порождает ненужные теоретические споры (причём излишне бурные), настраивает судей и следователей на уклонение от установления истины. Во-вторых, создаёт ситуацию, которой в уголовном процессе не должно быть. Главы 40 и 40-1 исключают судебное следствие. Это значит, что судьи сами не исследуют доказательства, а вынуждены принимать за основу приговора выводы следователей. Не случайно встречается практика предоставления судьям вместе с делом электронной записи (флэш-карты) обвинительного заключения, с помощью чего содержание обвинительного заключения переносится в описательную часть приговора. Создаётся странная для уголовного процесса ситуация: виновность с помощью доказательств устанавливает следователь, а наказание – без исследования этих доказательств – определяет судья. Опять наблюдается двойственность, которая, как отмечено ранее, заложена в основе кодекса. Однако деятельность суда только по определению наказания, без самостоятельного установления этим судом виновности, нельзя назвать правосудием в полном смысле этого слова. Но в нашем кодексе это присутствует.

Далее. В литературе правильно отмечается, что наш кодекс стал излишне дифференцирован¹. Действительно, дифференциация кодекса превзошла все разумные пределы, что привело к тому, что в

¹ Якимович Ю.К. Дифференциация уголовного судопроизводства должна иметь разумные пределы и не приводить к упрощенчеству // Вестник Том. ун-та. 2014. № 2. С. 105–110.

одном кодексе объединились несколько особых кодексов. Причём нормальный кодекс в полном объёме в последние годы стал действовать всё реже. Известно, что судебные заседания в особом порядке сейчас составляют 64 % всех рассмотренных судами дел. Это означает, что две трети дел идут по особым правилам, а на дела, рассматриваемые по общим правилам, остаётся всего одна треть. Даже трудно подсчитать, сколько в нашем кодексе закреплено разных особых производств. Только судебных особых производств сейчас три, однако готовится уже четвёртое (которое затронет и расследование) – об ускоренном (за 10 суток) расследовании и разрешении дел о так называемых очевидных преступлениях, где нет признания вины. Каждое особое производство имеет свои особенности (это, по сути дела, маленькие кодексы, чисто механически объединённые в один большой кодекс), а поскольку их много, кодекс становится очень сложным, противоречивым, трудно применимым. Порой невозможно определить, действует ли та или иная статья Общей части в какой-либо главе Особой части. Кроме того, как правильно отмечает Ю.К. Якимович, излишняя дифференциация приводит к упрощенчеству уголовного процесса, что способно крайне пагубно отразиться на его результатах.

В качестве недостатка кодекса следует отметить отсутствие в нём чёткого определения положения прокурора. Как известно, в 2007 г. оно резко изменилось, но полной ясности так и не достигнуто. Во-первых, после реформирования обнаружился недостаток средств, нужных прокурору для оперативного реагирования по исправлению ошибок следователей. В последующие годы некоторые такие средства прокурору закон предоставил, однако, как думается, до конца наделение прокурора всеми необходимыми средствами ещё не доведено. Во-вторых, положение прокурора, как представляется, излишне разнообразно. Даже в рамках одного досудебного производства положение прокурора имеет существенные отличия на следствии и в дознании. Отлично положение прокурора в суде. Согласно УПК там он только обвинитель (что соответствует состязательному построению судебного разбирательства). Но, думается, это не всегда должно быть так. Известны случаи, когда прокурор при пересмотре приговоров выступал в пользу осуждённого (т.е. на стороне защиты), и суд соглашался с ним, не высказывая никакого порицания. Совсем непонятна роль прокурора при рассмотрении дел об условно-досрочном освобождении или жалоб на действия следователей – здесь обвинения вообще нет. Как пред-

ставляется, прокурор должен быть всегда защитником закона независимо от того, кого нарушение закона касается¹. Обвинителем же лучше быть следователю, который предъявлял обвинение, готовил обвинительное заключение².

Обращает на себя внимание и следующий недостаток. Законодатель в силу конъюнктурных причин в интересах какого-либо ведомства нередко вносит в кодекс поправки, искажающие содержание отдельных его стадий. Ярким примером является массовое внедрение в 2013 г. в стадию возбуждения уголовного дела следственных методов. В настоящее время состояние этого первого этапа процесса таково, что его невозможно назвать стадией возбуждения уголовного дела. Сейчас это – суррогат расследования (или, как пишет Д.П. Чекулаев³, «квази-расследование до предварительного расследования»). При этом поскольку элементы одной стадии – расследования – просто механически внесены в содержание другой стадии, где иные субъекты, иные задачи, иная атмосфера, то многие вопросы остались нерешёнными. Так, непонятно, какие следственные действия сейчас можно производить при проверке сообщения о преступлении, а какие нельзя. По буквальному толкованию поправок можно произвести и обыск, что, конечно, недопустимо. Неясно, какие субъекты сейчас действуют в начальной стадии (поправки их называют одинаково – участники проверки, хотя по смыслу поправок видно, что у разных лиц там разные интересы и положение). Неясно, кто и с какой целью может пригласить адвоката – а он теперь в стадии возбуждения дела предусмотрен. Непонятно, как будут соблюдаться права подозреваемого и обвиняемого при производстве экспертизы.

К сожалению, нерешённые вопросы, порождённые поправками, можно перечислять и далее. Это означает, что все такие вопросы будут решаться следователями и дознавателями по своему усмотрению, которое далеко не всегда может совпадать с интересами дела.

¹ О.В. Воронин называет прокурора такого типа правозащитником, правозащитником. См.: Правовые проблемы российской государственности: сб. ст. Ч. 59. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 14.

² Несомненно, положение прокурора должно кардинально измениться, если будет введён институт судебных следователей.

³ Чекулаев Д.П. Стадия возбуждения уголовных дел на постсоветском пространстве // Правовые проблемы российской государственности: сб. ст. Ч. 59. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 235.

Думается, что оставлять в таком состоянии стадию возбуждения дела нельзя, требуется дальнейшее её урегулирование.

Далее. Законодатель стал допускать отступления от принципов уголовного процесса. Сделано это уже дважды.

Во-первых, во всех трёх упрощённых судебных производствах (а это большая часть процесса) исключен принцип непосредственности, без которого установление истины невозможно.

Во-вторых, допущено отступление от принципа публичности. Несколько лет назад было установлено правило, в силу которого дела о налоговых преступлениях следователь мог возбудить лишь при поступлении к нему материалов налоговой инспекции. Представляется, что мотивом здесь послужило стремление налоговых органов разобраться с совершённым преступлением самостоятельно, не вынося сор из избы. Последствия не замедлили сказаться: количество дел о налоговых преступлениях значительно сократилось. При большом сопротивлении налоговой службы это правило было отменено, действие публичности было восстановлено.

Однако вскоре вводится новое ограничение прав следователя в возбуждении дел – теперь уже о некоторых банковских преступлениях. Закон от 21 июля 2014 г. № 218-ФЗ установил, что такие дела могут быть возбуждены следователем только при поступлении к нему материалов Центрального банка или конкурсного управляющего финансовой организации. По существу, создана такая же ситуация, которая ранее была ликвидирована как непригодная. Вряд ли можно сомневаться, что и это отступление от принципа публичности принесёт такие же отрицательные результаты.

Таким образом, налицо отступление от принципов уголовного процесса. Но принципы – это не простые положения, а закономерности, и отступление от них приведёт к размыванию всего уголовного процесса.

Как видно, в действующем УПК РФ имеются существенные недостатки. Их наличие не позволяет признать кодекс совершенным, способным успешно выполнять свои задачи. Причём исправить его отдельными поправками, как думается, уже невозможно.

Выход из создавшегося положения видится в создании нового кодекса. Однако для этого необходимо, прежде всего, договориться о единой концепции кодекса и провести её в жизнь. При этом нужно учитывать исторический опыт российского уголовного процесса, где истина и публичность всегда присутствовали.